

Романтик. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Романтик. Максим Горький

Жил-был Фома Вараксин, столяр, двадцати пяти лет, человек весьма нелепый: череп у него – большой, с висков – сжат, а к затылку – удлинён; тяжёлый затылок оттягивал стриженую голову назад, Фома ходил по земле вздёрнув широкий нос вверх – издали казалось, что он хочет заносчиво крикнуть кому-то:

"Ну-ка, тронь, попробуй!"

Но при первом же взгляде на его расплывчатое лицо с большим ртом и глазами неопределённого цвета становилось ясно, что это идёт парень добродушный и как бы радостно смущённый чем-то.

Его товарищ Алексей Сомов, тоже столяр, сказал однажды Фоме:

– Экая у тебя рожа пустынная! Хоть бы ты себе брови наклеил, а то на всей филёнке только нос торчит, да и тот скверно вырезан!

– Действительно, – согласился Фома, пощупав пальцем верхнюю губу, красоты лица не хватает несколько мне, ну – зато Поля говорила, глаза у меня хороши!

– Не верь: это она для того, чтобы ты ей лишнюю бутылку пива поставил.

Алексей был моложе Фомы на два года, но – пять месяцев сидел в тюрьме, много прочитал разных книг, и когда не хотел, не мог или ленился понять товарища, то говорил ему:

– Это буржуазный предрассудок. Утопия. Надо знать историю культуры. Ты классовых противоречий не понимаешь.

Он ввёл Фому в кружок, где маленький, остроносый товарищ Марк, размахивая руками, похожими на птичьи лапки, скороговоркой рассказывал о рабочем движении на Западе, – Фоме сразу понравились эти рассказы, и после нескольких чтений он, прижимая руку, пропитанную лаком, ко груди, разливался:

– Это я понимаю, Алёша! Это действительно! Существует...

Сухой, ехидный Сомов, прищурился зеленоватые глаза и поджимая губы, спрашивал:

– Что – существует?

– Это самое влечение к соединению человеков – это есть! Примерно я: мне всё равно – крестный ход, пожар, гулянье – вообще ежели где народ собрался, то меня туда нестерпимо тянет! Народ! Вот тоже церковь – почему я в церковь люблю ходить? Собрание душ потому что!

– Это пройдёт с тобой! – пообещал Алексей, усмехаясь. – Когда ты усвоишь идею...

Фома ударил себя в грудь кулаком, радостно воскликнув:

Я её усвоил! Вот она, тут! Её-то я прежде всего и схватил. Теперь она для меня как божья матерь всех скорбящих радость...

– Поехал!

– Нет, погоди: приидите ко мне все труждающиеся и обременённые – так? Она?

– Да ведь это, чудак ты, евангелие!

– Ничего не значит! Она, я так понимаю, везде одна и та же. Виды разные, рисунок – разный, а образ один! Матерь любви она! Верно?

Когда Алексей сердился, его верхняя губа поднималась вверх, острый нос вздрагивал, и зелёные зрачки округлялись, точно у птицы. Сухим голосом, который на верхних нотах странно трещал, и какими-то щёлкающими словами Алексей подробно

и внушительно убеждал товарища, что он – утопист, что в нём спит классовое сознание и, можно думать, не проснется оно никогда, ибо Фома воспитывался в доме священника, где мать его служила кухаркой и где ему отравили душу буржуазными предрассудками и суевериями.

– Алёш! – убедительно восклицал Фома. – Ей-богу – нисколько не отравили! Совсем наоборот! Маленький, я даже, например, не ходил в церковь. Господи – ну разве стану я тебе врать? Это уж потом вот, когда я начал читать и вообще – ну, потянуло меня к людям! Тут – не церковь, а, понимаешь, спайка душ! Идея тут! О чём разговор идёт? Братцы – постыдитесь, разве можно так жить? Разве вы зверьё? Внушение любви и совести, Алёша, вот главное, как я понимаю! Верно?

– Нет, это не верно! – Алексей, сердясь, всё больше кипел, на скулах у него являлись багровые пятна, и Фоме часто казалось, что он щёлкает его словами по носу, точно картами при игре в носки.

Фома смущённо молчал, потирая голову, порою виноватым голосом старался успокоить товарища:

– Я ведь, Алёша, понимаю! Конечно – борьба! Само собой разумеется, тут уж – держись!

Но, сбиваясь с тона, вдруг сам начинал убедительно доказывать:

– Я ведь, видишь ли, только насчёт человека: человек вообще – что такое? Разве я – долото? Ведь ежели, скажем, тобой долбить начнут, так ведь по тебе молотком стучают, – вот я насчёт чего! Человек – не инструмент, верно? И опять же: конечно – борьба! Что там говорить! Но апостольское-то, идея-то, которая всеобщая... всемирное примирение... чтобы на земле – мир и в человецех...

Иногда Алексей, замолчав, долго смотрел на товарища презрительно вытаращенными глазами и наконец говорил, точно уши обрубая Фоме:

– Нет, ты глуп! Путаная у тебя башка, – навсегда это!

Иногда же угрожал ему, холодно и внушительно:

– Вот погоди, – скоро начнём читать историю культуры – увидишь!

Фома – сокращался: непонятные слова всегда несколько угнетали его, возбуждая почтение к людям, которые говорили их, и вызывая странные образы. Утопия рисовалась ему кочковатым болотом, всё оно покрыто чахлой зарослью, и по зябким кочкам идёт, простирая руки вдаль, женщина с лицом богородицы, вся в белом и, как всегда, облечённая великой грустью матери, – идёт безмолвно, с тихими слезами на глазах. Он не однажды слышал слова "религиозный культ", и культура представлялась ему торжественным богослужением, подобным пасхальной заутрене. Постепенно ему стало казаться, что эта мудрая наука может развязать все узлы запутанных вопросов, привести в порядок все мысли, облить всю пестроту красок жизни одним ровным и горячим светом. Говорил он много, восторженно захлёбываясь словами и всегда глядя прямо в лицо собеседника мутным и точно пьяным взглядом. Каждая новая мысль, входившая в его сознание, вызвала у Фомы быстрый поток слов – он махал руками, негромко и радостно восклицая:

– Замечательно! Вот именно! Очень просто!

Сначала товарищи по кружку и мастерской слушали его внимательно, с любопытством, но скоро догадались, что Фома просто – болтун, а мрачный слесарь Егор Кашин не однажды советовал ему:

– Отрежь ты себе половину языка, пустозвон!

Но это не охлаждало Вараксина – он смотрел на всех дружелюбно и неугомонно журчал, как весенний ручей.

Когда он пришёл на первое чтение по истории культуры и увидел, что читать будет маленькая, пухлая, голубоглазая барышня, гладко причёсанная, с толстой косой, – он почувствовал печальное недоумение и всё время старался не смотреть на барышню.

Но всё-таки видел, что она конфузится, безуспешно стараясь придать детскому лицу серьёзное выражение, говорит торопливо, несвязно, а когда её спросят о чём-нибудь – лицо её вспыхивает ярким румянцем, и глаза часто, растерянно мигают. Беленькая и чистая, она возбуждала в нём чувство жалости.

"Видно – первый раз", – думал Фома, пристально разглядывая тёмную сырую стену над её головой. Его удивляло, что она говорит о молниях, тучах, закате солнца, о богатырях сказок, греческих богах, – он не мог уловить никакой связи во всём этом и, идя домой с Алексеем, жаловался ему:

– Это, Алёша, не вышло! Тут бы на такой предмет совсем другого человека надо поставить, солидного, даже – с сединой эдак бы... и голос густой... чтобы как двенадцать евангелиев читалось это!

Сомов тоже был недоволен и ворчал, сердито посапывая носом:

– Назначили... лягушонка какого-то! Очень мне нужно знать, кто такое Змей Горыныч... Нам очень хорошо известно, кто он, – ты расскажи, как его побороть...

– Лучше бы она уж прямо по этой толстенькой книжке катала! – сожалея, говорил Фома, но, скоро забыв о неудаче, он продолжал в обычном тоне благодушных мечтаний: – А хорошо, брат Алёша, что вот приходит в нашу грубую компанию эдакая маленькая личность, и – как замечательно это! пожалуйста, вот, что я знаю, не угодно ли послушать! О-очень хорошо! Так примыкая друг ко другу и...

– Повёз ерунду! – сурово остановил его Алексей.

– Почему же – ерунда? – настаивал Фома мягко и ласково. – Вот, ты говоришь – класс, а какой она, примерно, класс? Просто добренькая барышня. Совестно ей жить в окружении людей, нам подобных, и вот...

– Когда из тебя вся эта патока вытечет? – возмутился Сомов. – Какая там совесть? Необходимость – вот тебе совесть! Будь у них другое место, куда идти, – они пойдут где легче, а не к нам, не мечтай!

Фома посмотрел вдоль улицы на огненные чётки фонарей и спросил:

– Так они – поневоле, думаешь?

– Ну конечно...

– Н-да? – сказал Вараксин, дёрнув головой вверх. – Н-не верится мне однако!

– Почему?

– Что хорошего – поневоле жить? Если я – краснодеревец и к работе своей привык – мне плотничная работа просто даже обидна, – верно? А они вроде как бы брёвна тешут...

Алексей плюнул, сказав:

– И пускай потешут...

На втором чтении Фоме показалось, что в словах барышни поблёскивают какие-то интересные мысли, трогающие его сердце, и, когда она кончила, он попросил её:

– Товарищ Лиза – одолжите мне эту вашу книжку до следующего раза, можно?

– Пожалуйста, – сказала она и, видимо, чему-то очень обрадовалась.

Потом Фома шёл в город рядом с нею и всё остерегался, как бы не задеть её локтем. Поднимались в гору, с обеих сторон улицы на них смотрели тёмными окнами маленькие домишки городской окраины. Вверху улицы горел фонарь, вокруг него дрожало мутно-жёлтое пятно, сырая темнота осенней ночи была полна запахами гниющего дерева и помоев.

Фома, покашливая и стараясь выразиться изысканно, спрашивал Лизу:

- Значит, я могу верить, что в древние времена человечество говорило одним языком, - так?

- Да, арийцы, - звучал ему в ответ тихий голос.

- И - уже доказано это?

- Точно доказано.

- Чудесно! Это - замечательно! Так что все теперь разрозненные народы находились в сослужении единству жизни, стало быть, и в древности имелась одна общая всем идея - да-а...

Но слова у него туго складывались, и думал он не о древности, а о маленькой барышне, которая торопливо шла в гору на полшага впереди него и немножко левее. Сжатая тьмой, она казалась ещё меньше, чем была, Фома заметил, что каждый раз, подходя к освещённому окну, она, наклонив голову, старалась поскорее ускользнуть из полосы света.

"Замечательно! - думал он, не переставая говорить и словно раздваиваясь. - Такая маленькая личность, без страха, в кругу чужих людей, ночью, в отдалённом от жизни месте... чудесно!"

Чтобы не размахивать руками, он сунул их в карманы, это было непривычно ему и связывало его.

- Вы пьяных не боитесь? - спросил он.

Тихо и живо она ответила:

- Ах нет, очень боюсь! Здесь их так много...

- Да, - сказал Фома, вздохнув, - пьют весьма безутешно! Главное жизнь требует наполнения, а - нечем! То есть жизнь - в смысле души. Вино же, как известно, способствует фантазии. Тоже нельзя строго осуждать: разве человек причина тому, что приходится поддерживать жизнь фантазиями?

- Я не осуждаю! - воскликнула Лиза, замедляя шаг. - Я - понимаю. Вы очень верно сказали, ужасно верно!

Это обрадовало Фому - он не помнил случая, когда бы кто-нибудь соглашался с ним. И, вынув руки из кармана, похлопывая ладонью по книге за пазухой, он снова начал, доверчиво и убедительно:

- Если бы, видите ли, книги были доступнее, поверьте - другое дело! Собственно говоря - бояться людей не следует, уверяю вас, они заслуживают полного внимания и сожаления - в своей пустой жизни. Дело в том, что всего - очень мало, как вы знаете, и от этого все злы. Никаких утешений не имеется, у всякого одна подруга - голая судьба со страшным лицом нищеты и порока, как сказано в стихах поэта. И, конечно, когда подобные вам люди сойдут с вершины в большом количестве, - то обязательно это принесёт в жизнь содержание, достойное человека...

Лиза пошла ещё тише, поддерживая одной рукой юбку, другой она провела по лицу и сказала, вздохнув:

- Да, да, это правда!

- Фёдор Григорьич, - продолжал Фома, прерывая её, - сын священника, у которого жила моя матушка, - очень хороший человек моя матушка! но уже скончалась, - Фёдор Григорьич, который теперь даже скоро профессором будет, говорил бывало, оспаривая своего папашу: жить - это знать! И очень просто! Если я живу, не зная, кто я, где и зачем собственно, - какая же тут жизнь? Просто долголетнее одичание в эксплуатации разных тёмных сил, исходящих от человека, и предрассудков, им же сотворённых, - верно?

- Жить - это знать! - повторила Лиза. - Вот именно, товарищ, - вы замечательно широко понимаете...

Фома не помнил, что он ещё говорил, но он первый раз в жизни говорил так много, смело и горячо. Они расстались у ворот большого дома в два этажа, с колоннами по фасаду, и Лиза, встряхивая его руку, убедительно просила его:

- В четверг и понедельник - помните! От семи часов вечера - я дома, буду ждать до девяти, - хорошо?

- С величайшим удовольствием! - восклицал Фома, притопывая ногой о тротуар. - Очень благодарен! Чудесно!

Всю ночь вплоть до утра он ходил по улицам, вскинув голову вверх и мысленно слагая горячие, призывные речи о необходимости помочь словом и делом тем людям, которые ещё не понимают тождества понятия жить и знать. Ему было очень хорошо: серое небо осени как бы разверзлось перед ним, и из глубокой синей пропасти, точно звёзды, падали такие славные, звучные слова, сами собою слагаясь в светлые ряды добрых и любовных мыслей о жизни, о людях, и эти мысли поражали самого Фому своей непобедимой простотой, правдой, силой.

В четверг он сидел в комнатке Лизы, ничего не замечая, кроме напряжённого взгляда голубых глаз, которые, он видел, хотят понять его речи, - смотрел в их глубину и говорил:

- Стало быть, фигурно можно сказать, что идея эта о победе света над тьмою небесного происхождения?

- Да, если хотите, но - всё-таки - зачем же вам небесное?

- Красивейше как-то получается! Значит - коренная идея - солнце, которое даёт всему силу жизни! Это замечательно и вполне верно: я вчера ходил за город - на Ярило, знаете, - глядеть закат! Вполне просто и легко вообразить всё, как описано: змей, мечи, борьба и одоление тьмы, а потом восход в торжественном сиянии! Восхода, собственно, не было, а был дождь, но это ничего не значит. Я много раз раньше видал восход и обязательно посмотрю в ясную погоду. Непременно!

Оглянувшись вокруг, и ему понравилась чистая уютная комнатка с белой постелью в углу, целомудренно прикрытой мягкой завесой мрака. На столе перед Фомой лежало много книг, они косо стояли на полке, по стенам висели знакомые ему фотографии писателей и учёных людей с длинными волосами и мрачными лицами. Потирая ладони, покрытые мозолями, пропитанные лаком, Фома тихонько смеялся и рассказывал:

- Замечательно, товарищ, сижу я, свеся ноги, на обрыве, подходит собака, такая, знаете, нищему подобная, в грязи, в репьях, седые усы на морде. Голодная, старая, неприятная. Подходит, села рядом и - тоже смотрит: там это пылает красное, жёлтое, сизые такие фигуры складываются, лучи их рушат, зажигают, реки текут золотые, - а мы, человек и собака, - смотрим, знаете. Собственно говоря, товарищ, ведь достоверно не узнано, что такое собака, например, и какое у неё отношение к солнцу? Может, и она тоже, - я, конечно, не знаю, - это так, фантазия, но - почему же собаке не понимать значения солнца, если она чувствует тепло и холод и может смотреть в небо? Свинья - это, конечно, другое дело! Я, знаете, даже пошутил: понимаешь, говорю, кто истинный творец жизни, а? Посмотрела она на меня косо и отодвинулась... Все на земле очень недоверчивы и осторожны друг с другом... так печально это, если подумать! Конечно, глупо, может быть, но когда я прочитал эти две главы, то - вдруг, знаете, как будто теперь лишь впервые понял - солнце! Солнце - это удивительно просто!

- Вы две главы прочли? - услышал Фома.

Вопрос показался ему строгим.

- Только две, - ответил он и зачем-то пощупал стул, на котором сидел, - у нас, знаете, много работы срочной, купец Хлобыстяев дочь замуж собирает, выдавать - берут зятя в дом - и мы чиним ему столовую, Хлобыстяеву. Превосходная мебель куплена им, чудесной, старинной работы, дуб морёный, знаете...

Он видел, что голубые глаза девушки утомлённо прикрылись; и это тотчас же связало ему язык, наполнило его смущением. Не без усилия над собою, Фома продолжал, конфузливо улыбаясь:

- Может быть, я много болтаю лишнего - вы уж простите это мне!

Барышня торопливо воскликнула:

- Ах, что вы! Вы говорите так интересно. Я ведь только принялась за работу, мне очень важно знать психику людей, которые... людей вашего класса.

Фома снова расцвёл, ободрился и, взмахивая руками, запел, как птица на восходе солнца:

- Позвольте мне сказать, что мне подобные люди - вроде маленьких детей и - пугливы, знаете! Между собой, например, мы, ремесленники, мало говорим по душе. А каждому всё-таки хочется что-нибудь сказать о себе, - потому что - человек, знаете, он очень мало обласкан и... если вспомнить, что у каждого была мать... и есть привычка к ласке, то... получается очень плохо!

Он вместе со стулом подвинулся к маленькой хозяйке - что-то затрещало, упала на пол толстая книга.

- Извините, - сказал Фома, - у вас тесновато! - И, понизив голос, таинственно продолжал: - Я хочу вам сказать, что это замечательно верно: не добро человеку жить единому! Конечно, единство интересов всех рабочих - это я понимаю очень хорошо, да ведь интересы не всё ещё, за ними ещё в душе-то сколько лежит! Человеку обязательно хочется выговорить свою душу, показать её в полном, праздничном облачении, всю, во весь рост... человек же молодое существо, как вы знаете! Не годами, конечно, а всей жизнью - давно ли живём? Верно? И вдруг - никто ничего не хочет слушать, и - одиночество души... немота и смерть мыслям! Я против этого возражаю: единение людей обязательно - так? Единство интересов хорошо-с... а откуда же одиночество и нестерпимая тоска, подчас? Вот...

- Не совсем понимаю, о чём вы говорите, - сказала Лиза, и снова голос её прозвучал строго, учительски.

Фома посмотрел на неё улыбаясь, она, нахмутив брови, ответила ему взглядом очень пристальным, снова охладившим его возбуждение. Приподняв плечи, перекинула косу на грудь и быстро шевелила пальцами, выплетая и вплетая чёрную ленточку, говоря неестественно густо:

- Это несколько странно слышать! Признавая единство интересов...

- Дело в том, видите ли, - возражал Фома, - что ежели один луч - тут, другой - там, то не будет тепла... необходимо слияние всех лучей воедино, так?

- Ну да, но что же вы называете лучом?..

- Душа моя и ваша, вот - лучи солнца, фигурно говоря...

Когда Фома уходил, ему показалось, что Лиза смотрела на него подозрительно, стараясь держаться в стороне, и когда он, прощаясь, сжал её руку, она сильно потянула её к себе.

И снова он почти всю ночь ходил по пустынным улицам сонного города, будя дремавших у ворот сторожей и возбуждая внимание городских.

Вспоминал свои речи и недовольно морщился, видя, что говорил запутанно, не о том, что хотел сказать, и не так, как хотелось.

"Вот история! - думалось ему. - Когда я шёл к ней - всё так складно лежало в голове. В следующий раз - уж и я подготавлиюсь..."

И остановился, вспомнив, что Лиза не сказала ему, когда ещё можно придти к ней.

"Забыла! Очень я говорил много!"

А потом он опять провожал её по ночам до дома и всю дорогу осыпал её своими восторженными речами, рассказывал, незаметно для себя, секреты проснувшейся души, не замечая, что она слушает его молча, отвечает на его вопросы односложно

и – уже не приглашает его к себе, в маленькую тёплую комнатку.

– А ведь вы – романтик! – воскликнула она как-то раз с чувством, подобным сожалению, и, глядя в лицо ему, неодобрительно покачала головой.

Фому сконфузило слово, напоминавшее о романах и любви, он тихонько засмеялся, а Лиза продолжила:

– Как это странно! Вообще – я, конечно, понимаю романтизм, но...

Она говорила долго и поучительно, а Фома не понял её слов.

И постепенно для него стало необходимостью видеть Лизу – её глаза возбуждали в нём приятное опьянение и, подсказывая новые слова, зажигали какие-то пылкие, особенные мысли. Видя её, окружённую тесным кольцом рабочих, внимательно и вдумчиво слушающих негромкий, убеждающий голос, видя, как в полутьме комнаты мелькают, точно маленькие голуби, её белые руки, двигаются тёмные брови над голубыми глазами и непрерывно дрожат цветут – розовые губы, Фома думал:

"Идея! Всем скорбящим радость..."

И ему представлялся ручей свежей воды, говорливо сбегаящий с горы в долину, измученную засухой, – в долину, где стоят деревья, окутанные пылью, уныло опустив тяжёлые, завядшие листья, – а живой ручей пробивается к их корням.

Вспоминалась славная сказка о девочке, заплутавшей в лесу, – вот она забрела в пещеру карликов и доверчиво сидит среди них, полная желаний добра всему живому.

Иногда Лиза, возбуждённая тем, о чём говорила, волнуясь, заикалась, не находя слов, и глаза её тревожно бегали по лицам людей, – в эти минуты Фома напрягался, сдерживая дыхание, ему хотелось подкинуть, подсказать недостающие слова, и – это было почти мучительно для него – он даже потел от напряжения.

– Алёша! – говорил он Сомову, размахивая руками. – Какая это замечательная вещь, когда вот так приходит к людям чистый человек – почти дитя ведь, а? – и говорит: "Позвольте, всё это не так, всё неверно, от вас скрыто главное – идея объединения мира скрыта!" Чудесно! Положительно сказка, а?

Алексей искоса смотрел на него и говорил насмешливо и едко:

– Смотри – растаешь, грязь будет!

– Ты полно, чудак! Ведь ты же и сам, ведь ты веришь, чувствуешь...

Сомов кривил губы и, словно отталкивая товарища, сердито поучал его:

– Ты бы слушал – больше, а болтал – меньше. Да не пускался бы объяснять людям то, чего не понимаешь. Гляди – на тебя не очень ласково смотрят: мешаешь ты разговором своим...

– Мешаю? – удивлялся Фома Вараксин.

Однажды у него заболел зуб, он усердно старался остановить боль, засовывая в дупло вату, смоченную спиртовым лаком, купил даже креозота, который считал вредным, но боль не поддавалась, и он не мог пойти на чтение.

Поздно вечером Сомов, хмурый, недовольный, пришёл в мастерскую, отозвал Фому в угол и строго спросил:

– Ты о чём третьего дня говорил с Лизой?

– Я? Так, обо всём, а что?

Алексей, искривив губы, искоса посмотрел на него и, затянувшись дымом папиросы, опять спросил:

– На одиночество жаловался, что ли?

- Жаловался? Нисколько! Это просто вообще, к слову...
- Ты бы считал слова-то!
- Ты провожал её?
- Ну да!
- Что же она про меня говорила? - спросил Фома, поглаживая опухшую щёку.
- То же, что и я говорю: башка у тебя путаная...
- Нет, в самом деле?

Рассматривая дымящийся конец папиросы, Сомов насмешливо сказал:

- Уж поверь! Так и сказала.
- Это ничего! - воскликнул Фома, и ему показалось, что даже зуб меньше болит. - Я ей докажу...
- Вот что, - сказал Алексей, усмехаясь и расшвыривая ногой стружки на полу, - дам я тебе совет, - а то просто расскажу случай, со мной было. Увидал я в тюрьме на прогулке девицу-интеллигентку и тоже вот так, сразу втюрился...
- Что ты? - удивлённо воскликнул Фома. Но Алексей, морщась тоже, точно и у него зуб заболел, продолжал, не глядя на товарища:
- Перестукивался с ней ночами и всё такое... тоже об одиночестве говорил, и вышло, брат, очень нехорошо!
- Что ты, Алёша! - размахнув руками, тихонько прошептал Фома. - Почему ты это, разве я влюбился? Откуда ты это?
- Ну, не верти хвостом! Брось лучше всё это загодя...
- Это - чепуха, Алёша! - сказал Фома, прижимая руки к сердцу и чувствуя, что оно бьётся удивительно часто, точно испугалось чего-то и обрадовалось. - Господи боже мой, ну куда к чёрту? Замечательно, право! И не думал даже, что такое? Ничего же не выйдет? Хотя, конечно, если взять, что она решила идти с нашим братом, то - ну что ж? Очень просто, собственно говоря! Скажем так: пусть человек, подобно щепотке соли, растворится в среде пресной нашей и насытит...

Докурив папиросу, Сомов тщательно растёр окурки пальцами, оглянулся, засвистал сквозь зубы. Фома, заметив, что товарищ не хочет слушать его, вздохнул и заявил:

- Зуб, чёрт его, сильно мешает, болит...
- Не заболело бы ещё что, смотри! - предупредил Алексей, спрятав глаза под ресницы, и вдруг заговорил новым для Фомы голосом:
- Вот что, уж коли до конца беседовать... хоть и не мастер я к этому. Говорят про тебя, что ты - путанный человек, и сам я это говорю... оно и верно, - иногда ты такое несёшь - уши ломит! Ну а всё-таки... я, брат, тебя всегда слышу... то есть слушаю...

Он сидел на верстаке согнув спину, его плечи, локти и колени торчали во все стороны острыми углами, и казалось, что он наскоро сделан из неровных кусков дерева. Поглаживая рукою прямые, тёмные волосы, он не торопясь и тихо продолжал:

- Нравится мне, что ты такой, вроде ребёнка: что знаешь, в то и веришь...
- Алёша - это очень правильно! - вскричал Фома, наваливаясь на него. Помнишь, я тебе говорил, Фёдор-то Григорыч? Он так и утверждает: отец ему - вера! А он - и под ней, говорит, заложено некоторое знание, без него невозможны никакие толкования жизни...
- Ну, ты, брат, брось это! - посоветовал Сомов. - Не понимаю я этого...

- Нет, ты пойми, очень же просто! Впереди всего - знание, а потом вера! Оно - мать веры, оно её рождает, ты подумай - как верить, не зная?.. Товарищ Марк и Василий - они просто не верят в силу знания, по-моему, оттого и выражаются против веры вообще...

Сомов посмотрел на него скорбящим и насмешливым взглядом и проговорил, покачивая головой:

- Трудно с тобой! Нахватался ты какой-то чепухи, и никогда тебе, видно, не выбраться из неё... Я вот что хочу сказать - жалко мне тебя! Понял? И советую я тебе: Лизу оставь!

Фома Вараксин неохотно засмеялся, прищурился глазами, точно обласканный кот.

- Нет, я уж до конца дойду, до полного, если так! Я её спрошу, - это, брат, замечательно! Главное - что она скажет, а?

- Это ты о чём спросишь? - сухо осведомился Алексей.

- Вообще спрошу о полном единении! Слово и дело - одно ли?

Сомов вынул папироску дрожащей рукой, сунул её в рот, но не тем концом. Откусив зубами смоченное место, он выплюнул его и бросил папиросу на пол, спросив:

- Ты её любишь? Говори уж!

Тогда Фома, не задумываясь, ответил:

- Да, конечно, очень... То есть, если бы ты не сказал - я бы ещё не догадался, может быть, ну, а теперь - ясно! Когда я говорю с ней - мне так хорошо и легко, как будто я действительно ребёнок, ей-богу!

- Прощай! - сказал Алексей, сунув ему руку, и пошёл к двери. Но остановившись в глубине мастерской, тёмный и маленький, он спросил негромко:

- Ты, чёрт, может, сейчас выдумал это?

- Что?

- Да вот любовь эту твою?

- Чудак! - воскликнул Фома. - Ты же сам сказал, вот какой чудак! Я не выдумал, а просто не умел ещё понять... ты же...

- И я дурак! - сказал Сомов, исчезая.

От возбуждения и томительно тревожных мечтаний о будущей встрече с Лизой Фома забыл о зубной боли, начал шагать по мастерской, шумя стружками. На стене коптила лампа, едва освещая жёлтые полосы досок над головой и у стен, кудри стружек в углу, маленькое тело мальчика, разбросанное на них, тёмные верстаки, кривые ножки стульев, дерево, зажатое в тисках.

"Чудесно!" - думал Вараксин, крепко потирая руки.

Ему рисовалась простая, милая жизнь с маленькой, умной и сердечной женой, которая всё понимает, может ответить на все вопросы. Вокруг неё всё свои люди, товарищи, и она - своя, кровный свой человек.

- Хорош-шо!

Потом - ссылка, это уж наверное будет, ссылка! Где-то далеко, в маленькой деревеньке, занесённой снегом до крыш, заплутавшейся в тёмных и высоких, до неба, лесах, он сидит вдвоём с нею - учится. По стенам, на полках, толстые, солидные книги - в них сказано обо всём, и оба они переходят мысленно от одной к другой по светлым путям человеческой мысли. За окном оледенела тишина, белый снег одел землю пуховой шубой, и земля покрыта низким куполом северного неба - в комнате тепло, чисто, уютно, играет огонь в печи ярко-жёлтыми, жгучими языками,

тихо прыгают по стенам тени, и в маленькой кроватке у одной из них – ещё один славный человечек, рождённый для борьбы за соединение всех людей мира в одну семью друзей, работников, творцов. В зимнем небе холодной страны играют красные закаты, напоминая о давних временах, когда родились первые детские мысли людей, когда возникла к жизни объединяющая всё человечество непобедимая идея торжества света.

Фома Вараксин не любил ждать долго: в воскресенье он надел свой лучший пиджак, у которого одна пола вытянулась отчего-то длиннее другой, а воротник всегда влезал на затылок, надел рубаху с накрахмаленной грудью и обшлагами, с которых надо было остричь махры, привязал синий, с красными горошинами, галстук, приподнял плечи как мог выше и – пошёл к Лизе.

Ясный зимний день весь блестел в уборках инея, в бархатном одеянии снега, укрепляя в груди Фомы радостное решение, подсказывая ему яркие, чистые слова. Белые мохнатые проволоки телеграфа вытянулись на воздухе так красиво, прямо к той улице, где жила девушка, которую Фома не однажды уже и без тени сомнения мысленно называл своей невестой и женой. Хороший был день, радостный, полный света, полный блеском серебряных искр.

– Ах, – это вы? – сказала Лиза, открыв ему двери своей комнаты.

– Пришли или уходите? – спросил Фома, улыбаясь и крепко стиснув её руку.

– Ухожу, – сказала она, сморщившись, и подула на пальцы, махая ими перед лицом. На голове у неё была надета котиковая шапочка, на левой руке перчатка.

– Ну, я долго не задержу вас! – пообещал Фома, усаживаясь на стул в пальто и хлопая шапкой по колену.

– Что это вы сияющий какой? – спросила Лиза, скользя голубыми глазами по его фигуре.

Он ответил не сразу, любовно и пристально осматривая её, маленькую, круглую и румяную, точно яблоко.

"Куколка!" – мелькнуло у него в голове.

Она ходила по комнате от двери к окну, постукивая о пол каблуками: взглянет в окно, потом на гостя, брови её вздрогнут, и она, покачиваясь, тихонько двигается к двери. Ему показалось, что сегодня лицо у неё более строго и озабоченно, чем всегда.

"Может быть, чувствует?" – подумал он.

– Сейчас я вам объясню, почему я сияющий, – сказал Фома вслух и предложил ей:

– Садитесь, пожалуйста!

Она повела плечами и неохотно или нерешительно села против него.

– Ну-с?

Фома наклонился к ней, протянул руку с жёлтыми ногтями, окрашенными политурой, и заговорил тихим голосом, мягко и ласково:

– Знаете, товарищ Лиза, я хочу сказать вам одно слово! – Он привстал, взмахнул рукой, указывая вперёд, и внушительно воскликнул: – До полного!

– Что такое? – спросила Лиза, улыбаясь.

– Я объясню: идёт пароход по реке тихо – тихим ходом, не зная фарватера, но вот дело выясняется. "Средний ход!" – кричит капитан в машину, а дальше, когда нет сомнений, что путь хорош, капитан командует: "До полного!"

Лиза недоуменно раскрыла глаза и молчала, покусывая губы мелкими белыми зубами.

– Не поняли? – спросил Фома, подвигаясь к ней.

- Н-нет! Кто это - капитан?

- Капитан? Вы! И я - мы оба капитаны своей жизни - вы и я! Нам принадлежит право командовать судьбой - так?

- Ну да, но - в чём же дело? - воскликнула девушка, смеясь.

Фома протянул к ней руки и повторил сорвавшимся голосом:

- До полного, товарищ! Вы знаете нас, меня и всех, - идите к нам, с нами до полного единения!

Лиза встала, ему показалось, что по лицу её прошла тень и стёрла румянец со щёк, погасила ясный блеск глаз.

- Не понимаю! - приподняв плечи, говорила она. - Это же само собою разумеется, - конечно, я с вами... если уж... Почему вы говорите это? В чём дело?

Фома схватил её руки жёсткими ладонями и, потрясая их, почти кричал:

- Само собою разумеется! Чудесно, товарищ! Я так и знал... Конечно, вы - вы пойдёте!

- Куда? - тревожно спросила она, выдёргивая свои пальцы. - Вы не кричите, я же не одна живу... Куда идти?

Её голос звучал сердито и немного возмущённо, - Фома услышал это и торопливо объяснил:

- Замуж за меня, я предлагаю! До полного уж! Знаете, что это будет, наша жизнь, товарищ? Какой будет праздник...

Стоя перед нею, чертя и рассекая воздух руками, он стал рисовать давно одуманные картины совместной жизни, работы, картины жизни в ссылке, говорил и всё понижал голос, ибо ему казалось, что Лиза словно тает, становится тоньше, ниже и отодвигается от него.

- Господи, какая глупость! - услышал он подавленный, обиженный возглас. - Какая пошлость!

Фоме показалось, что кто-то незаметно подскочил к нему и закрыл ему рот так крепко, что в груди сразу остановилось сердце и стало невозможно дышать.

- Как вам не стыдно, Фома! - слышал он возмущённый, тихий голос. - Это же - ужасно, слушайте! Это - глупо, - неужели вы не понимаете? Ой, как нехорошо, как нехорошо!

Ему казалось, что девушка уходит в стену, прячется в портретах - и лицо её становится такое же серое, мёртвое, как на фотографиях, около её головы и над нею. Она дёргала себя за косу одною рукою, а другою отталкивала воздух перед собой и, всё сокращаясь, говорила тихо, но резко:

- Неужели не стыдно вам видеть во мне только женщину?

Фома забормотал, разводя руками:

- Почему же? Я - не женщину, а вообще... как люди, мы с вами...

- Какое же это товарищество? - спрашивала она. - Как же я теперь должна буду смотреть на вас? За что вы меня оскорбили, за что?

Фома не помнил, как он ушёл из маленькой комнаты со множеством фотографий на стенах, и не помнил, как он простился с Лизой, каковы были её последние слова, - она окончательно слилась, растаяла в серых пятнах, среди суровых учительских лиц, стала подобной им и такой же, как они, внушающей холодное, строгое почтение.

Романтик. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Он ходил по улицам, ничего не видя, кроме каких-то туманных кружков перед глазами, натягивал шапку на голову и думал сосредоточенно, упрямо и тоскливо:

"Почему – глупости? И стыдно – почему? Пошлость? Женщина? Что ж такое женщина? Разве это важно, это? Если когда две души в одной идее, – что ж такое, что женщина?"

И снова туго натягивал шапку на уши: голова его зябла, точно набитая льдом, и это ощущение холода было так остро, что сердце от него ныло, словно после угара.

Хоронили солдата, четверо храбрых ребят в мундирах, мерно и широко шагая, несли гроб, и он хорошо, правильно так, покачивался на холодном воздухе. Впереди шёл барабанщик, ловко стучал палочками по холодной коже и рассыпал в воздухе дробную внушительную трель. Сзади шагал целый взвод с ружьями на плечах, головы солдат были повязаны чёрными наушниками, и все они, казалось, ранены глубокими ранами.

А сбоку гроба бежала, поджав хвост, маленькая серая собачка, и когда барабанщик переставал бить похоронную дробь, она подскакивала к нему, а когда палочки его снова трещали – собака, отпрыгнув в сторону, робко и печально взвизгивала.

Фома Вараксин с большим усилием снял шапку, прислонился спиной к забору, смотрел на странных солдат, вздрагивал от холода, наполнявшего грудь, и думал, словно спрашивая кого-то:

"Почему – стыдно?"

1910 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано в газете "Утро России", 1910, номер 126 от 18 апреля, и одновременно в "Новом журнале для всех", 1910, номер 18, апрель, под заглавием "До полного!" В этом же году рассказ был напечатан за границей в издательстве И.П.Ладыжникова под заглавием "Романтик", с подзаголовком ".Рассказ".

М.Горький писал В.А.Десницкому, что "Романтик" является одним из набросков к повести "Сын" (см. примечания к повести "Лето" в томе 8 настоящего издания).

Рассказ включался во все собрания сочинений.

Печатается по тексту, подготовленному М.Горьким для собрания сочинений в издании "Жизнь и знание", Петроград 1915.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!